

На правах рукописи

Боярская Анна Андреевна

ПРОЗА ЧЕШСКОЙ ЭМИГРАЦИИ 1980-1990-х ГОДОВ.

АВТОР. ГЕРОЙ. ПОВЕСТВОВАТЕЛЬ

(На материале творчества

Л. Мартинека, И. Пекарковой, В. Тршешняка)

*Специальность 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья
(европейская и американская литература)*

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2010

Работа выполнена на кафедре славянской филологии филологического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Ковтун Елена Николаевна

Официальные
оппоненты: доктор филологических наук
Шерлаимова Светлана Александровна,
главный научный сотрудник
Институт славяноведения РАН

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Сорокина Вера Владимировна
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, филологический факультет,
научно-исследовательская лаборатория «Русская
литература в современном мире»

Ведущая организация: Российский государственный гуманитарный
университет

Защита состоится «04»_июня__2010 года в ___ часов на заседании
диссертационного совета Д 501.001.25 при Московском государственном
университете им. М.В. Ломоносова.

Адрес: 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова,
1-ый учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке филологического
факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Автореферат разослан «__»_____2010 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук
доцент

А.В. Сергеев

Общая характеристика работы

Данное диссертационное исследование имеет целью выявление художественной специфики прозы, созданной в 1980–1990-х гг. чешскими писателями-эмигрантами. Исследование проводится на материале творчества трех наиболее заметных представителей «младшего поколения» чешской эмиграции этого периода – Любомира Мартинека, Ивы Пекарковой и Властимила Тршешняка. Главным объектом анализа является повествовательная структура избранных художественных произведений. Важнейшим аспектом исследования становится анализ формальных и содержательных взаимосвязей автора, повествователя и главного героя.

Широкий спектр художественных текстов чешских писателей, оказавшихся за пределами родины в период гитлеровской оккупации и Второй мировой войны (1939–1945 годы), покинувших страну в 1948 – начале 1950-х годов после прихода к власти Коммунистической партии Чехословакии (т.н. первая «волна» эмиграции), а также в результате общественно-политического кризиса и последующей «эпохи нормализации» с конца 1968 до 1989 года (т.н. вторая «волна» эмиграции), ныне признан как чешскими, так и зарубежными литературоведами неотъемлемой и значительной частью национальной культуры XX столетия. Исследование творчества чешских писателей-эмигрантов, как и вообще эмигрантской литературы в странах бывшего «социалистического лагеря», активно ведется с начала 1990-х годов, когда в связи с общественно-политическими изменениями в восточноевропейском регионе данная литература смогла в полной мере дойти до читателя, а также войти в научный оборот.

За два десятилетия в области изучения творчества эмигрантов из ЧСР–ЧССР прежде всего чешскими учеными сделано немало: обобщены результаты деятельности чешских эмигрантских издательств и опыт развития периодической печати¹; основательно изучено творчество наиболее крупных прозаиков-эмигрантов, таких как Эгон Гостовский (1908–1973), Милан Кундера (р. 1929), Йозеф Шкворецкий (р. 1924), Павел Когоут (р. 1928); подверглись осмыслению

¹ См. напр: Formanová L., Gruntorád J., Příbáň M. Exilová periodika: katalog periodik českého a slovenského exilu a krajanských tisků vydávaných po roce 1945. – Praha, 1999; Zach A. Kniha a český exil 1949 – 1990: Bibliografický slovník nakladatelství, vydavatelství a edic. – Praha, 1995.

региональные традиции эмигрантской литературы (европейские, американские)²; намечены основные этапы ее истории³.

В российской богемистике раскрытие аналогичной проблематики связано в первую очередь с исследованиями С.А. Шерлаимовой, которой принадлежит как весомый обзор развития чешской литературы второй половины XX века с учетом всех ее сфер, в том числе эмиграции и самиздата⁴, так и ряд работ, осмысляющих различные аспекты творчества 1970–1980-х годов М. Кундеры, Й. Шкворецкого и П. Когоута⁵. Работы о чешской эмигрантской литературе XX в. и ее отдельных представителях имеются также в научных изданиях иных славянских⁶ и неславянских стран⁷. Все это позволяет признать данную сферу исследования актуальной и развивающейся достаточно активно.

И все же в корпусе исследовательских текстов, посвященных чешской эмигрантской литературе второй половины XX века, пока преобладают тематические обзоры и общие работы о творчестве упомянутых выше «классиков» эмиграции. Кроме того, большинство имеющихся на сегодняшний день исследований ограничены периодом до 1989 года, причем эта дата, знаменующая начало демократических преобразований в чешском обществе, рассматривается едва ли не как завершающая для судеб национальной эмиграции.

Между тем и ныне более десятка чешских авторов различного возраста постоянно пребывает и работает за пределами родной страны. В том числе не прервалась в последние два десятилетия и творческая активность относительно «поздних» эмигрантов 1980-х годов. Их традиционное и безоговорочное отнесение ко второй «волне» литературной эмиграции является, на наш взгляд, не вполне правомерным в связи с резким сокращением в их произведениях спектра общественно-политических проблем, столь важных для прозаиков старших поколений, а также из-за

² Наиболее полно в работах В. Папоушека и Я. Чулика: Papoušek V. Trojí samota ve velké zemi: Česká literatura v americkém exilu v letech 1938-1968. – Jinočany, 2001; Čulík J. Knihy za ohradou. Česká literatura v exilových nakladatelstvích. 1971 – 1989. – Praha, 1991.

³ См. напр.: Dějiny české literatury 1945-1989: ve 4 dílech / P. Janoušek [a kol.]. – Praha, 2007–2008.

⁴ См.: История литератур Восточной Европы после Второй Мировой войны: в 2-х т. – М., 1995–2001.

⁵ Напр.: Шерлаимова С. А. Литература “Пражской весны”: до и после. – М., 2002.

⁶ В контексте тематики настоящего исследования значимы работы польской исследовательницы И. Чаплинской, напр.: Czaplínska J. Tożsamość banity. Problematyka autoidentyfikacji w młodej czeskiej prozie emigracyjnej po 1968 roku. – Szczecin, 2006.

⁷ Большой вклад в западную богемистику внесли чешские литературоведы-эмигранты: Игор Гаек (Великобритания), Г. Коскова (Швеция), С. Рихтерова (Италия), А. Мнештян и К. Хватик (Германия), П. Тренский (США). (См. напр., в переводе на чешский язык: Trenský P. Josef Škvorecký. – Jinočany, 1995; Chvatík K. Svět románů Milana Kundery. – Brno, 1994).

субъективизации стиля, смены ценностных ориентиров и ряда иных факторов. Однако данные факторы и процессы пока не стали предметом серьезных исследований.

Таким образом, до сих пор нельзя говорить о законченном целостном и многоаспектном научном освещении литературы чешской эмиграции в ее непрерывной истории, не завершившейся и сегодня. Особенно досадной, на наш взгляд, является недостаточная изученность творчества прозаиков-эмигрантов, начавших литературную деятельность в 1970–1980-е годы, а потому в последующие два десятилетия находящих на пике творческой активности. В соответствующих обзорных трудах, а также рецензиях на отдельные публикации к числу наиболее интересных по проблематике и художественной манере «молодых» писателей устойчиво относят И. Пекаркову (р. 1963), Л. Мартинека (р. 1954) и В. Тршешняка (р. 1950)⁸. Основательное изучение их произведений, по нашему мнению, может привести к интересным выводам не только о специфике художественного мира данных авторов, но и о значимой эволюции мировоззрения чешских писателей-эмигрантов в последней четверти XX века.

Итак, **актуальность** настоящего диссертационного исследования обусловлена важностью изучения чешской эмигрантской прозы XX века как неотъемлемой части национального литературного процесса. **Новизна** работы связана в первую очередь с трактовкой 1980–1990-х годов как отдельного этапа в истории чешской эмигрантской прозы, обладающего достаточно выраженной содержательной и художественной спецификой. Целостное рассмотрение данного временного отрезка в исторической перспективе позволяет, с одной стороны, показать преемственность происходящих в нем процессов по отношению к предшествующим периодам существования эмигрантской литературы; с другой стороны – выявить основные тенденции ее эволюции, позволяющие сохранить живую связь с современностью и быть востребованной сегодняшними чешскими читателями.

Кроме того, новизна исследования для отечественного литературоведения заключается:

- в обзорном обобщении (на основе специальных работ чешских и российских

⁸ См. напр. статьи в сборниках: Novotný V. Mezi moderností a postmoderností. Úvahy o typologii české polistopadové prózy z konce tisíciletí. – Praha, 2002; Pilař M. Vrabec v hrsti aneb Kliše v literatuře. – Praha, 2005; Peňás, J. Deset procent naděje. Výbor z publicistiky 1945–2001. – Praha, 2002.

исследователей) традиций эмигрантской словесности в Чехии с XVII до конца XX века;

– во включении в данный исторический контекст наряду с крупнейшими прозаиками-эмигрантами (М. Кундерой, Й. Шкворецким, П. Когоутом) практически неизвестных российскому читателю писателей – Э. Гостовского, А. Люстига, З. Саливаровой, Я. Бенеша, Я. Вейводы, Л. Мониковой, С. Рихтеровой – с интерпретацией вклада данных авторов в общий процесс развития эмигрантской литературы;

– в комплексном исследовании творчества писателей, представляющих новейшие тенденции развития литературы чешской эмиграции – Л. Мартинека, И. Пекарковой, В. Тршешняка, относимых в работе к «молодому» поколению авторов-эмигрантов, чей отличный от «классиков» жизненный опыт привел к смене художественных и мировоззренческих ориентиров;

– в развернутом анализе (не имеющем аналога в чешской и российской литературоведческой традиции) повествовательной структуры всех произведений, созданных Л. Мартинеком, И. Пекарковой и В. Тршешняком в 1980–1990-е годы, а также ряда их текстов 2000-х годов.

В качестве **объекта исследования** избраны прозаики, в творчестве которых наиболее ярко отразились свойственные выделенному периоду художественные процессы, происходящие в эмигрантской прозе (деилогизация и деполитизация, субъективизация, установка на аутентичность индивидуального сообщения, обращение к локальным, частным конфликтам, наднациональным темам и проблемам и др.).

Специфика художественной манеры данных писателей, заключающаяся, на наш взгляд, прежде всего в *повышенном внимании к индивидуальному субъективно-лирическому началу и усилении автобиографической составляющей повествования* обусловила выбор **аспекта исследования** – анализ функциональности взаимодействий и взаимных отношений (как содержательных, так и формальных) между автором, повествователем и героем. Данный подход, с нашей точки зрения, наилучшим образом позволяет выявить своеобразие поэтики их текстов и писательской концепции в целом, поскольку призмой рассмотрения и оценки мира у данных писателей становится отдельный человек, уникальная личность – как

правило, тождественная по основным характеристикам пронизывающему весь текст авторскому сознанию. Важнейшим условием понимания авторского замысла поэтому становится интерпретация героя не только как составной части образной системы произведения, но и как носителя сознания, получающего в тексте максимально активную роль, сопоставимую с ролью повествователя.

Методологической основой исследования стала концепция автора и повествовательной структуры текста Б.О. Кормана (системно-субъектный метод). В рассмотрении проблемы автора мы ориентировались также на соответствующие работы М.М. Бахтина, В.В. Виноградова и иных отечественных специалистов (Н.Т. Рымаря, В.П. Скобелева); в трактовке проблемы «точки зрения» опирались на исследования Б.А. Успенского, Н.Ф. Тмарченко и Е.В. Падучевой, при анализе общих особенностей повествования нами использованы труды Е.В. Хализева, В.И. Тюпы, Н.А. Кожевниковой; при воссоздании художественной концепции личности — работы Л.А. Колобаевой. В ряде случаев также нами приняты во внимание позиции чешских исследователей (Г. Косковой, В. Папоушека, В. Новотного, Я. Чулика и др.) относительно тех или иных особенностей творческой манеры изучаемых писателей.

Значение важнейших используемых в работе теоретических понятий формулируется нами следующим образом:

Реальный автор – создатель текста, конкретный человек с собственным именем и биографией.

Концептированный автор – носитель концепции (выражением которой является произведение в целом или совокупность всех произведений конкретного автора), рождающийся помимо его воли в момент письма. Это субъект сознания, находящийся над текстом, обнаруживающий в каждом его элементе, но не входящий в него и не имеющий в нем собственного голоса, опосредованный субъектными или внесубъектными формами выражения авторского сознания.

Повествователь – посредник между изображаемым и читателем, являющийся в произведении первичным носителем речи и основным носителем (субъектом) сознания.

Отношения между основным субъектом сознания и речи в произведении (повествователем) и объектом сознания и речи (героем / героями) внутри текста

рассматриваются нами с помощью понятия «*точки зрения*», которое раскрывается в четырех аспектах: пространственном, временном, оценочном и фразеологическом.

Выявление «носителя» точки зрения (анализ *содержательно-субъективной организации текста*) означает определение того, с чьей пространственной и временной позиции изображается происходящее, кому принадлежит его оценка (субъективное видение), чья речь зафиксирована в том или ином фрагменте текста, иными словами – чье сознание отражено в тексте и кто является говорящим в каждый момент повествования.

Для адекватной интерпретации мировоззрения и художественных систем исследуемых авторов нами рассматриваются и сопоставляются как отмеченные выше субъектные формы выражения авторского сознания, так и внесубъектные: анализируется сюжетно-композиционная организация произведений, выделяются центральные для всех текстов рассматриваемых писателей темы и проблемы, исследуется воплощаемая в их творчестве концепция личности.

Таким образом, **целью** настоящего диссертационного исследования становится обоснование правомерности выделения в рамках второй «волны» чешской послевоенной литературной эмиграции творчества «молодого» поколения писателей⁹, его рассмотрения как особого этапа (1980–1990-е годы) истории чешской эмигрантской литературы, обладающего достаточно четко выраженной художественной спецификой, выявляемой путем установления общих для произведений Л. Мартинека, В. Тршешняка и И. Пекарковой содержательных и художественных признаков (прежде всего особенностей повествовательной структуры) в сопоставлении с основными характеристиками эмигрантской прозы предыдущих лет.

Для достижения намеченной цели были поставлены и решены следующие **задачи**:

– уточнена терминология, связанная как с изучением эмигрантской литературы, так и с исследованием повествовательной структуры художественного текста (категории «автор», «повествователь», «герой», «точка зрения» и т. п.);

⁹ Говорить о существовании отдельной – третьей – «волны» чешской литературной эмиграции, на наш взгляд, некорректно, поскольку в эти годы не произошло массового отъезда чешских граждан за рубеж, также по сравнению с предыдущим периодом в значительной мере не увеличилось и количество выехавших из Чехословакии писателей.

– на основе специальных работ чешских и российских исследователей прослежены основные этапы истории и закономерности развития чешской эмигрантской словесности от ее истоков (XVII век) до конца XX века;

– выделены основные содержательные и художественные приоритеты чешской эмигрантской прозы середины и второй половины XX века (на основе обзорной характеристики произведений Э. Гостовского, М. Кундеры, Й. Шкворецкого, П. Когоута, А. Люстига, Я. Бенеша, З. Саливаровой, С. Рихтеровой, Л. Мониковой, Я. Вейводы); обоснована правомерность постановки проблемы смены данных приоритетов в творчестве «молодого» поколения писателей в 1980–1990-е годы;

– проанализированы категории реального и концепированного автора в относящихся к выделенному периоду произведениях Л. Мартинека, В. Тршешняка и И. Пекарковой, для чего установлена роль автобиографических элементов в данных произведениях, рассмотрены внесубъектные планы проявления авторского сознания (композиционно-сюжетная организация, тематика, проблематика), охарактеризована авторская концепция личности;

– исследована субъектно-объектная структура повествования в текстах Л. Мартинека, В. Тршешняка и И. Пекарковой 1980–1990-х (частично также 1970-х и 2000-х годов), определены роль и место в ней героя и повествователя;

– определены роль и значение творчества Л. Мартинека, В. Тршешняка и И. Пекарковой в истории чешской эмигрантской прозы; высказаны суждения о месте эмигрантской литературы 1980–1990-х годов в чешском литературном процессе второй половины XX в.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в возможности использования его материалов и выводов в вузовских курсах истории чешской литературы, при разработке спецкурсов, посвященных чешской литературной эмиграции и чешской литературе 1980–1990-х годов, а также при более широких исследованиях эмигрантской прозы XX столетия.

Теоретическая значимость диссертации определяется опытом использования на конкретном литературном материале (впервые – чешском) системно-субъектного метода анализа и интерпретации художественных произведений.

Апробация основных положений и результатов исследования проходила в форме соответствующих докладов на российских и международных научных конференциях

«Классические и неклассические модели мира в отечественной и зарубежной литературах» (ВолГУ, Волгоград, 2006), «Славянский мир в ментальном измерении: стратегии развития – национальные и межнациональные проекты» (ПермГУ, Пермь, 2007), «Взаимодействие литератур в современном литературном процессе. Проблемы исторической и теоретической поэтики» (ГрГУ им. Я. Купалы, Гродно, 2008), конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов 2006» и «Ломоносов 2007» (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва), «Славянские языки и культуры в современном мире» (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, 2009); они также нашли отражение в работах, список которых приводится в конце автореферата.

Структура и композиция диссертации обусловлены поставленными задачами и избранной методологией. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, приложения и библиографии.

Основное содержание работы

Во **введении** раскрывается степень изученности чешской эмигрантской литературы XX века в целом и периода 1980–1990-х годов в частности, объясняется методология работы, формулируется значение основных используемых терминологических понятий, обосновывается выбор темы, объекта и аспекта исследования, актуальность и новизна работы, определяются ее цель и задачи.

Первая глава «Основные этапы и тенденции развития литературы чешской эмиграции» начинается с уточнения содержания понятия «эмигрантская литература» – наиболее нейтрального и универсального термина, применяемого при изучении творчества писателей, находящихся за пределами родной страны.

Термину «эмигрантская литература» и его производным («проза / поэзия эмиграции», «писатель-эмигрант» и т.п.) мы отдаем предпочтение перед чаще употребляемыми в чешском литературоведении понятиями «литература изгнания» / «писатель в изгнании» (*exilová literatura / exilový spisovatel*), поскольку он не включает в себя оценочных указаний на причины и обстоятельства пребывания того или иного автора за рубежом. Это делает данный термин удобным для исследования прежде всего современной европейской литературной ситуации (где пребывание писателя за рубежом редко обусловлено наличием чьей-либо «злой воли») – наряду с

различными описательными конструкциями, такими как «чешская (русская) литература, созданная за рубежом», «авторы, творящие за пределами родины». Представляется вполне оправданным и употребление принятого в отечественной науке и отсутствующего в чешском литературоведении термина «литература (русского) зарубежья», имплицитно содержащего указания на культурную и национальную общность выходцев из какой-либо страны, проживающих длительное время за ее границами.

К эмигрантской литературе мы относим произведения, созданные или задуманные писателями, долгое время находящимися за пределами родной страны, но в какой-то мере сохраняющими с ней духовную связь, тем или иным образом апеллирующими к багажу прошлого, повлиявшего на формирование их мировоззрения, (опираясь или отталкиваясь от него) даже отходя от национальных литературных образцов и отказываясь в своем творчестве от родного языка.

В вопросе о периодизации эмигрантской литературы мы с некоторыми оговорками (прежде всего, относительно чешской эмиграции 1980–1990-х годов) опираемся на принятое большинством отечественных и зарубежных исследователей деление ее истории на «волны» (т.е. периоды массового отъезда граждан за рубеж из конкретной страны), имеющие сквозную нумерацию в одну историческую эпоху (например, для чешской эмигрантской литературы второй половины XX века). При этом мы отдаем себе отчет в том, что данный подход подразумевает более или менее обязательное соотнесение каждого из писателей-эмигрантов, а также соответствующих родов и жанров литературы с конкретной «волной» по хронологическому принципу (прозаик «первой» волны» эмиграции, поэзия «второй» волны и т.п.). Однако представляется необходимым подчеркнуть, что в ряде случаев подобное хронологическое соотнесение в литературоведческом плане оказывается недостаточным, когда речь идет об авторах, по времени отъезда принадлежащих к определенной «волне», но в своем творчестве формирующих художественные принципы литературы наступающей новой эпохи.

Вот почему в данном исследовании мы вводим еще и понятие «поколения писателей», которому соответствуют разграничения «младших» и «старших» прозаиков поэтов или драматургов, т.е. авторов «старшего» или «молодого» поколений». Данное понятие достаточно устойчиво, хотя и не всегда

последовательно, используется специалистами для внутреннего членения длительных периодов развития эмигрантской литературы¹⁰. Поскольку художественная литература неизбежно отражает происходящие в национальном и мировом сообществе социальные и духовные процессы, а писатели вольно или невольно привносят в создаваемые тексты свой жизненный опыт, представляется оправданным говорить о смене писательских поколений в том случае, когда авторы определенной возрастной группы, обладающие значимым общим личным и социальным опытом, становятся носителями отличного от предыдущего поколения мировоззрения и ценностных установок, которые они воплощают в собственном творчестве – что влечет за собой постепенное изменение не только проблематики произведений, но их стилистики и шире, художественной манеры.

Постановка проблемы смены поколений в чешской эмигрантской прозе восьмидесятых годов XX столетия предваряются обращением в разделах **1.2.** – **1.4.** к истории чешской эмигрантской словесности с тем, чтобы на основе работ чешских и российских исследователей¹¹ выявить основные тенденции ее развития с эпохи раннего Нового времени до сегодняшнего дня.

В **разделе 1.2.** рассматривается письменность чехов-эмигрантов первой четверти XVII – конца XIX века. Раздел содержит общую характеристику творческой деятельности религиозных эмигрантов (покинувших чешские земли после начала Контрреформации), связанной прежде всего с именем выдающегося мыслителя, теолога, философа, педагога Яна Аммоса Коменского (1592–1670); творчества и издательских инициатив политических эмигрантов середины XIX века, в числе которых оказался, в частности, известный поэт Й. Фрич, и эмигрантов на американском континенте в конце XIX века, вынужденных покинуть родину в силу экономических причин. Материал раздела позволяет сделать вывод, что именно на ранних этапах существования эмигрантской словесности была заложена та традиция, которая стала магистральной в прозе писателей-эмигрантов XX столетия.

В числе ее важных характеристик в диссертации выделяются: опыт публикации произведений за рубежом (в том числе на родном языке) и создания эмигрантских

¹⁰ Чаще всего под «старшим» поколением определенной «волны» литературной эмиграции понимаются авторы, состоявшиеся еще на родине, а под «младшим» эмигранты-дебютанты.

¹¹ В частности: История литератур западных и южных славян: в 3 т. – М., 1997, 2001; История литератур Восточной Европы после Второй Мировой войны: в 2 т. – М.: 1997-2001; Panorama české literatury. – Olomouc, 1994 и др.

периодических изданий, а также формирование особой духовной миссии писателя. В моменты наибольшей угрозы национальному самосознанию, культуре, протестантской (в первую очередь гуситской) религии чехов или политическим завоеваниям предшествующих лет интеллектуальная деятельность эмигрантов была направлена на их сохранение, а наряду с этим на передачу знания о них западному миру, и прежде всего – на привлечение внимания к Чехии как самобытной стране с богатыми культурными традициями.

Однако XX век стал для чехов эпохой несравнимо более массовой эмиграции. В **разделе 1.3.** дается краткая характеристика деятельности чешских эмигрантов в годы Первой мировой войны, а особое внимание сосредоточено на времени начала интенсивного формирования особого «чешского культурного пространства» за пределами страны: 1940–1950-х годах. Именно в период Второй мировой войны и после 1948 года, когда приход к власти Коммунистической партии Чехословакии послужил причиной первой массовой «волны» эмиграции, «литература зарубежья» стала самостоятельной и значимой «ветвью» чешской литературы.

Особенности эмигрантской прозы военных лет и первой «волны» анализируются в диссертации на примере творчества Э. Гостовского (1908–1973) – пожалуй, наиболее успешного и плодотворного работавшего прозаика указанного периода, которому удалось обогатить сформировавшуюся ранее собственную творческую концепцию новым эмигрантским опытом. Трагическое мироощущение писателя нашло отражение в образах героев, сюжетах и конфликтах его лучших книг («Иностранец ищет квартиру», 1947; «Полночный пациент», 1954; «Всеобщий заговор», 1961). Экзистенциальная бесприютность и беспомощность человека в чуждом ему окружении усилена в этих текстах ситуацией изгнания. Новая заграничная реальность изображается преимущественно негативно, а герои Гостовского, ведомые злым роком, не питают надежд на начало новой жизни за рубежом.

Раздел 1.4.1. посвящен рассмотрению исторических предпосылок возникновения и важнейших черт второй «волны» чешской литературной эмиграции, длящейся с конца 1968 года, когда потерпело поражение движение за обновление социалистического строя в ЧССР, до рубежа 1980–1990-х годов. Это период возникновения наиболее обширной в количественном отношении и масштабной по

проблематике (прежде всего социально-критической) чешской эмигрантской литературы.

Увеличение количества эмигрантских организаций, издательств, периодики, сопровождавшееся относительным снижением степени изоляции от соотечественников, остающихся на родине (вызванным не в последнюю очередь прогрессом техники, развитием средств коммуникации и связи), сделали эмигрантское сообщество «параллельным» и значимым пространством чешской свободной мысли и культуры, не зависящей от официальных идеологических догм (что не исключало, разумеется, порождения собственной «антитоталитарной» догматики). В 1970–1980-е годы в эмиграции смогли не только развиваться, но и возникнуть новые чешские литературные таланты.

В разделах 1.4.2. и 1.4.3. диссертации проводится анализ творчества крупнейших прозаиков-эмигрантов второй «волны» (М. Кундеры, Й. Шкворецкого, П. Когоута), а также лучших произведений других наиболее ярких и самобытных писателей, добившихся творческого успеха (А. Люстига, Я. Бенеша, З. Саливаровой, С. Рихтеровой, Л. Мониковой, Я. Вейводы). На наш взгляд, о названных прозаиках (родившихся в 1920–1940-е годы и начавших творческую деятельность соответственно в конце 1940-х — начале 1970-х годов) можно говорить как о более или менее едином «старшем» поколении второй «волны» эмиграции.

На основе анализа художественных произведений нами выделены следующие общие черты, присущие мировоззрению данных авторов и во многом определяющие особенности их поэтики (сделанные нами наблюдения в целом совпадают с выводами современных чешских литературоведов – М. Пиларжа, В. Новотного, а также авторского коллектива академической «Истории чешской литературы 1945–1989 годов»).

1. Общественно-политические события, свидетелями которых были прозаики «старшего» поколения (Вторая мировая война, кризисные ситуации 1948 и 1968 годов), стали их личной, эмоционально воспринимаемой историей. Демократическая «бархатная революция» 1989 года, формально завершившая период изгнания, явилась столь же важной вехой и подверглась такому же интенсивному творческому осмыслению в произведениях большинства данных авторов, созданных в 1990-е годы.

2. Прошлое родной страны стало неотъемлемой составляющей самоидентификации прозаиков «старшего» поколения». Они обращаются к осмыслению закономерностей исторического и политического процесса в Чехии, в их творчестве ясно ощущается стремление к всестороннему анализу своего жизненного опыта и сохранению собственных свидетельств о важнейших событиях эпохи. Это может быть изображение масштабных исторических картин (например, в романах «Где зарыта собака» П. Когоута, «Чудо» Й. Шкворецкого, «Ездоки ночи» Я. Вейводы) – или «точечное» возвращение к конкретному хронологическому периоду (например, годам Второй мировой войны в творчестве А. Люстига и ряде произведений Й. Шкворецкого, объединенных образом Данни Смиржицкого, а также в романе «Звездный час убийц» П. Когоута – или в 1950-е годы в романе «Гонзлова» З. Саливаровой), либо совмещение данных приемов в творчестве М. Кундеры («Книга смеха и забвения», «Невыносимая легкость бытия», «Неспешность», «Подлинность») или Я. Бенеша (рассказы 1970-х годов, роман «Зеленым вверх») и Л. Мониковой (роман «Дрейфующие льды»).

3. Человек, формирование его характера, его судьба понимаются данными писателями как безусловно исторически и социально детерминированные сущности и процессы. Подобное понимание находит отражение в большинстве сюжетов их произведений, сказывается на характере конфликта, выборе центральных тем и проблем. Один из наиболее ярких примеров – еще доэмигрантский роман М. Кундеры «Шутка», где судьба героя оказывается искалеченной благодаря неудачной остроте, в которой бдительные современники усматривают вредный идеологический подтекст.

4. Значимым представляется и последовательное обращение обсуждаемых авторов к чешским реалиям, национальным культурным традициям и символам. Например, во многих произведениях упоминаются или изображаются эпизоды из биографий известных политических лидеров, деятелей науки, литературы и искусства, в подавляющем большинстве текстов становящихся для главных героев и концептированного автора основой национальной самоидентификации. Яркими примерами могут служить роман Й. Шкворецкого «Scherzo capriccioso», посвященный А. Дворжаку, книги С. Рихтеровой (трилогия «Возвращение и другие потери», «Топография», «Азбука отцовского языка») и Л. Мониковой (например,

роман «Фасад»).

5. Из отмеченных выше особенностей мировоззрения изучаемых авторов вытекает и изображение в их произведениях эмиграции как противоборства оставленного ими привычного мира (национальной и индивидуальной памяти, являющейся залогом цельности личности) с новым, непонятым, нередко агрессивным по отношению к герою и концепированному автору. Сама ситуация эмиграции изображается писателями «старшего» поколения как нежелательная, разрушительная или болезненная: их героям-эмигрантам сложно начать новую жизнь, интегрироваться, самореализоваться, ощущать факт своего отъезда из родной страны как положительный поворот судьбы. Наиболее характерны в этом отношении произведения Я. Вейводы (в частности, сборники рассказов «Плывущие ангелы, летучие рыбы», «Птицы», «Замужняя невеста»). Реалии новой (эмигрантской) действительности осмысляются данными авторами преимущественно с привычных национальных позиций; в их произведениях преобладает отстраненный «иностраный» взгляд на жизнь приютивших героев стран. Часто возникает сопоставление новых впечатлений с чешскими воспоминаниями, порождающее ощущение чуждости наблюдаемых явлений, констатируется принципиальная невозможность их понять, найти общий язык с представителями других народов. Подобные эпизоды можно обнаружить во многих произведениях – от «Инженера человеческих душ» Й. Шкворецкого до «Паваны на смерть инфанты» Л. Мониковой.

Творчество авторов «старшего» поколения, в том числе пишущих не на чешском языке (М. Кундера, Л. Моникова), остается, как показано в диссертации, и в последние десятилетия XX столетия патристичным, национальным, несущим в себе ощущение социальной и духовной «миссии» эмигрантской литературы прошлых веков. Вместе с тем в эмигрантской прозе 1980–1990-х годов постепенно выявляются и совсем иные тенденции, такие как обращение писателей к процессу адаптации героев к новой, заграничной реальности, усиление интереса к частным личностным проблемам современного человека и, соответственно, уменьшение историчности и социального пафоса. Подобная смена нравственных и художественных ориентиров связана с началом творческой деятельности писателей, родившихся после 1950-го года, чей личный опыт значительно отличался от опыта представителей «старшего» поколения.

В пятом разделе первой главы мы выделяем основные факторы, повлиявшие на формирование личности, определившие основу жизненной философии авторов «молодого» поколения. Это обусловленная возрастом невключенность в важнейшие события чешской истории (война и оккупация, политические перемены конца 1940-х и 1960-х годов); взросление в «апатичные» 1970-е годы (эпоху «нормализации»), повлекшее за собой отсутствие потребности в социальной ангажированности; влияние протестной молодежной культуры (рок-музыка, искусство андеграунда); стремление к адаптации в западном обществе как более комфортном и «прогрессивном», а также благоприятные условия для начала литературной карьеры за рубежом. Авторы «молодого» поколения недолго пробыли «в изгнании». В 1990-е годы, то есть еще в начале творческого пути, они были вынуждены искать собственную проблематику и новые формы художественного выражения – не в последнюю очередь для того, чтобы оказаться востребованными современным чешским читательским сообществом.

Именно данная новая проблематика и поэтика становится в диссертации основным объектом рассмотрения. Анализу произведений 1980–1990-х годов трех наиболее ярких представителей «молодых» прозаиков-эмигрантов – Л. Мартинек, И. Пекарковой и В. Тршешняка посвящены вторая и третья главы работы. В некоторых случаях для подтверждения наших тезисов мы обращались и к произведениям трех писателей, созданным в 2000-е годы. Объектом исследования стали следующие сочинения.

Любомир Мартинек: повести и романы «Представление» (Představení, 1986), «Вторая линия» (Linka č. 2., 1986), «Персона нон грата» (Persona non grata, 1988), «Без места. Без времени» (Sine loco. Sine anno, 1990), «Квипрокво» (Quiproquo, 1991), «Мыс доброй безнадёжности» (Mys dobré beznaděje, 1994), «Опьянение глубиной» (Opilost z hloubky, 2000), «Между полуднем и полночью» (Mezi polednem a půlnocí, 2001), Долгая игра в бильярд» (Dlouhá partie biliáru, 2004). (Также были приняты во внимание эссе автора из сборников «Nomad's Land» (1994) и «Палимпсест» (Palimpsest, 1996)).

Властимил Тршешняк: рассказы, вошедшие в сборники «Моими глазами» (Jak to vidím já, 1979), «Вавилон» (Babylon, 1982), «Бермудский треугольник» (Bermudský trojúhelník, 1986), повесть «Самое важное о господине Моритце» (To nejdůležitější o

panu Motitzovi, 1989), романы «Ключ под ковриком» (Klíč je pod rohožkou, 1995), «Местные гости» (Domáci hosté, 2000), в некоторых аспектах также роман «Халтура» (Melouch, 2005).

Ива Пекаркова: романы «Перья и крылья» (Péřa a perutě, 1989), «Круглый мир» (Kulatý svět, 1993), «Отдай мне бабки» (Dej mi ty prachy, 1996), «Прокаженные гангстеры» (Gang zjizvených, 1998), «Мой I. Q.» (Můj I.Q., 1999), «Тридцать два хвана» (Třicet dva chvanů, 2000). (К анализу также частично привлекались беллетризованные путевые заметки «В Индию, куда же еще» (Do Indie kam jít, 2001), «Найджа – звезды в сердце» (Najdža hvězdy v srdci, 2003), «Шесть миллиардов Америк» (Šest miliard Amerik, 2005)).

Во **второй главе** диссертации **«Автор и герой в прозе представителей “молодого поколения” чешской литературной эмиграции»** преимущественное внимание уделено, пожалуй, наиболее заметному отличительному признаку «новой» эмигрантской прозы – изменению концепции личности главного героя, вытекающему из смены авторских мировоззренческих установок. **Раздел 2.1.** содержит комментарий к используемым при анализе терминам, связанным с изучением личности писателя в неразрывной связи с исследованием отражения авторского сознания в различных элементах художественного текста (реальный / концептированный автор).

Обращение к фигуре писателя как реально существующего человека представляется необходимым, так как творчество Мартинека, Пекарковой и Тршешняка пронизано автобиографическими мотивами; психология авторов отчетливо запечатлевается в образах и судьбах главных героев. Несмотря на отсутствие сознательной установки на документальность, фиксацию собственной жизни во всей ее полноте, писатели проводят персонажей через основные этапы своей биографии, отправляют в те регионы планеты, где побывали сами, помещают в сходные ситуации, наделяют собственными профессиями. Рассмотрению основных автобиографических тем и мотивов в произведениях трех писателей посвящен **раздел 2.2.** диссертации.

Если у Тршешняка и Пекарковой достаточно очевидны фактические (имена, события, поступки) пересечения с историей реальных авторов (например, в произведениях со сквозным героем господином Прагом у первого; в книгах

«Круглый мир», «Тридцать два хвана» второй), то персонажи Мартинека повторяют в первую очередь перипетии его духовного пути. Они сталкиваются с теми же проблемами, над которыми размышляет писатель непосредственно от своего лица в сборниках эссе. Опираясь на личный опыт, писатели не только добиваются психологической достоверности изображаемого, но и намеренно уменьшают дистанцию между концепированным автором и главным героем. Явная симпатия к последнему, вызванная сходством с автором, ощущается в художественной ткани всех анализируемых произведений.

Разделы 2.3 и 2.4. посвящены анализу внесубъектных форм выражения авторского сознания в текстах писателей «молодого» поколения. Для этого нами рассмотрены и сопоставлены сквозные темы и мотивы, устойчивое ядро проблематики, особенности построения сюжета и характер конфликтов всего комплекса произведений Мартинека, Пекарковой и Тршешняка.

Творчество Мартинека, Пекарковой и Тршешняка неразрывно связано с темой эмиграции, их героев читатель наблюдает чаще всего с момента отъезда за границу до полного вживания в иную культурную среду. Эмигранты в книгах писателей живут и наслаждаются настоящим, изучают мир, открывшийся им во всем многообразии, учатся непредвзято воспринимать все новое и не стесняться чужой свободы, тщательно охраняя при этом собственную внутреннюю независимость. Пребывание человека вдали от родины не изображается писателями как болезненное: оно оценивается исключительно как положительный опыт. Бытовым сложностям, типичным эмигрантским проблемам (изучение языка, поиск работы и пр.) в произведениях трех писателей уделяется мало внимания. Меняя города, круг общения, работу главные герои Тршешняка (например, господин Праг в повести «Самое важное о господине Моритце» и романе «Ключ под ковриком»), Мартинека (бесцельно блуждающий по Парижу Йонаш в романе «Вторая линия», путешествующий по миру персонаж трилогии «Без места. Без времени», носящий имя Лтд), юная героиня Пекарковой, начинающая новую жизнь в Нью-Йорке (романы «Отдай мне бабки», «Прокаженные гангстеры»), везде чувствуют себя как дома. Их судьбы предполагают оптимистическое продолжение: творческую самореализацию, обретение жизненной мудрости или настоящей любви.

В центре писательского внимания оказываются отнюдь не глобальные процессы, акценты смещаются с общественно-политической и исторической проблематики в плоскость личностных, частных проблем и человеческих отношений. Малоактуальным для прозаиков «молодого» поколения становится и этнический аспект: они не апеллируют к национальным ценностям и культурным знакам, редко обращаются к чешским реалиям. Напротив, переплетающиеся, в романе Мартинека «Опьянение глубиной» эмигрантские истории француженки, полинезийца и двух чехов показывают сходство их характеров и реакций на окружающее: отъезд из родной страны помогает им разобраться в себе, осуществить переоценку ценностей, а возвращение – по-новому, объективно взглянуть на ранее привычные вещи. Национальность здесь, как и в других рассмотренных в диссертации произведениях трех авторов не является существенной для понимания природы человека.

Персонажи прозаиков «молодого» поколения существуют (насколько это возможно) обособленно от «большой» истории, переломные события которой не становятся для них значимыми. В большинстве их произведений точные временные координаты не заданы, а «чешское» прошлое героев остается неизвестным. Лишь в романе Тршешняка «Ключ под ковриком», точнее, в повествовании о юности господина Прага действие разворачивается в 1950–1970-х годах. Однако конкретные исторические события упоминаются здесь лишь мельком, а внимание сосредоточено на универсальных этапах взросления и творческого расцвета «бунтаря», находящего выход своей энергии в занятиях музыкой, живописью и литературой, а не в борьбе с «системой».

Установка на приоритетность индивидуального и субъективного начала, как показал анализ, воплощена и в сюжетно-композиционном устройстве книг Мартинека, Пекарковой и Тршешняка. Так, напряженные сюжеты романов Пекарковой сталкивают ее героинь с конкретными жизненными проблемами, которые им удается преодолеть благодаря собственным усилиям. Не падает духом героиня романа «Круглый мир» во время многомесячного пребывания в австрийском лагере для беженцев, где ей каждый день приходится бороться за свое скромное имущество и безопасность, пережить насилие, но и найти друзей и любовь. Мечтая о жизни в США, она добивается разрешения на выезд, не испугавшись сложностей его получения.

Центральные персонажи трех книг Пекарковой, составляющих «нью-йоркскую» трилогию («Отдай мне бабки», «Прокаженные гангстеры», «Мой I.Q.»), в первую очередь пытаются разобраться в своих сложных любовных отношениях, переживая измены, разрывы, потери. Работающая таксистской главная героиня первого романа попадает в различные приключения, сталкиваясь со странными пассажирами и посещая неблагополучные районы города. Гибель ее фиктивного мужа, отсутствие поддержки со стороны казавшегося ей близким человека, не лишают ее моральных сил и намерения самостоятельно строить свою жизнь: она бросает работу и отправляется в путешествие по Америке.

Однако за сюжетными перипетиями каждого из произведений Пекарковой скрывается более важный внутренний конфликт, рождающийся из противопоставления символических образов двух типов: означающих ограничение свободы (стена, остров, воображаемое «защитное поле» человека) и ее достижение (дорога, даль, земной шар). Данный конфликт остается практически неизменным во всех книгах и заключается в сложном поиске и конечном обретении героями внутренней гармонии, в их самореализации. Так, в романе «Отдай мне бабки» закрытое пространство большого города, таящего за каждым углом опасность и помещающим человека в лабиринт ежедневных проблем, сменяется уносящим из него героиню шоссе, обещающим начало нового этапа ее жизни.

Во внутренний мир человека погружают читателей и книги Мартинека, в отличие от Пекарковой отказывающегося от сюжетной динамики и напряженной интриги. Герои этого писателя не совершают судьбоносных поступков, а лишь наблюдают окружающее и размышляют о нем. Их характер раскрывается в обычных, будничных делах. Повествование в романах Мартинека нередко распадается на отдельные фрагменты (описаний, обрывков диалогов и размышлений), не связанных между собой логически, но объединенных подтекстом и могущих быть истолкованными в сопоставлении с другими эпизодами. Квинтэссенцией подобного стиля стала трилогия Мартинека «Без места. Без времени».

В диссертации анализируются различные фрагменты ее текста – например, следующие: «Он не мог чувствовать себя иначе, чем хорошо. Перед отъездом он осознал, что повеситься можно где угодно. Где угодно, кроме тюрьмы. Не случайно во всем мире перед входом в камеру отбирают ремни и шнурки. // Он дал белке орех.

Она проворно схватила его в когтистые лапки и закопала. После шестого ореха стало ясно, что она никогда не найдет своих припасов. Она была пресыщена пищей. Она знала, что все равно в конце концов какой-нибудь благодетель придет. Инстинкт заставлял ее продолжать «брать»¹² – и показывается их внутренняя связь. В данном случае первый фрагмент характеризует мировоззрение и личность главного героя (Лтд): ему присущ оптимизм, наблюдательность и ироническое отношение к окружающему. Второй – говорит о нем как о ненасытном собирателе впечатлений, одновременно становясь метафорой современного общества потребления, частью которого Лтд сознательно не хочет стать.

При отсутствии видимых столкновений персонажей с реалиями внешнего мира сюжетным стержнем романов Мартинека становится накопление героями духовного опыта, осмысление собственного «я» и сущности человека, борьба с собственными слабостями и заблуждениями, реализуемая в бесконечном путешествии. Поэтика произведений полностью подчинена замыслу: она подчеркивает основную идею несводимости суждений о любых явлениях к единому знаменателю, важность и ценность индивидуального взгляда на мир, не претендующего на обладание истиной. Сделанные нами наблюдения подтверждают и высказывания чешских литературоведов, высоко оценивающих аутентичность текстов Мартинека и отмечающих, что стиль прозы писателя выражает желание защититься от «мира, который хочет отнять у человека <...> право на личную судьбу и неповторимый жизненный путь»¹³.

Сходным образом и в произведениях Тршешняка (рассказы, повесть «Самое важное о господине Моритце», романы «Ключ под ковриком», «Местные гости») отсутствие сюжетной напряженности компенсирует яркая образность и наполненность каждого фрагмента текста значимыми деталями. Это могут быть отдельные черты в облике людей, детали интерьера, указания на свойства предметов (материал, цвет, марка).

Статичные картины-описания чередуются в произведениях Тршешняка с динамичными диалогами, занимающими большой объем текста, но не работающими на развитие сюжета. Отсутствие внешней динамики компенсируется внутренним напряжением. Смысловая глубина рождается из сложной структуры мотивов,

¹² Martinec L. *Sine loco. sine anno.* – Praha, 1998. – S. 27.

¹³ Gabriel J. *Roztříštěnost a tajemství // Literární noviny.* – 1994 – č. 16. – S. 7.

символов, словосочетаний, трансформирующихся и меняющих свое значение, появляясь и в диалогах, и в повествовательном тексте. Их художественная функция – раскрытие характеров персонажей, пояснение мотивировок их поступков, создание сложной системы внутренних конфликтов. Это могут быть конкретные предметы (например, крестик на золотой цепочке, к которому прикасается герой в моменты беспокойства; появление этой детали говорит о мучающих его внутренних противоречиях), словосочетания и целые фразы (например, пословица «как сыр в масле кататься» характеризует конфликт героя и государственной системы: его представление о хорошей жизни противоположно представлениям работников спецслужб, произносящих эти слова на допросе).

Часто повторяемые фразы призваны обратить внимание на несоответствие видимого его сути: за грубостью может скрываться участие (в общении Моритца и Прага), за оптимизмом – отчаяние («Завтра мы сделаем отбивные», вспоминая слова бабушки, произносимые им в трудные минуты, часто говорит себе герой). Сам Праг, наблюдая окружающее, постоянно ищет, сопоставляет скрытые смыслы всех явлений, оставаясь чутким к видению, мнению других людей. Романский мир Тршешняка предстает изменчивым, лишенным объективных координат, уютно чувствовать себя в нем может только творческий человек (такой как главный герой), черпающий в нем вдохновение. Такая же творческая активность требуется и от читателя.

Пятый раздел второй главы диссертации посвящен анализу воплощенной в творчестве Мартинека, Пекарковой и Тршешняка концепции личности, цельность и непротиворечивость которой обусловила верность писателей сходному типу героя, наделенному автобиографическими чертами. Каждый из авторов помещает в центр повествования близкого ему по духу героя и концентрируется на определенном человеческом характере, не представляя столь подробно и многогранно никакой другой.

Система персонажей во всех произведениях Мартинека неразветвлена, кроме главного все персонажи являются эпизодическими. В романах Тршешняка относительно подробного описания наряду с главным героем удостоивается только господин Моритц (в трех книгах, в которых этот персонаж появляется), становясь его своеобразным двойником и отличаясь в первую очередь темпераментом, но не

мировоззрением. Сюжеты Пекарковой требуют появления большего количества действующих лиц, однако и у этой писательницы наиболее полно раскрываются образы персонажей, близких по духу главной героине.

Достоинством творческого осмысления для прозаиков «молодого» поколения оказывается герой, обладающий яркой индивидуальностью, самостоятельно мыслящий и независимый нонконформист, ценящий прежде всего внутреннюю свободу. Он пытается самостоятельно выстраивать свою жизнь и создает собственную систему ценностей – не вступая, однако, в открытый конфликт с общепринятыми нормами поведения. Это одиночка, часто маргинал, аутсайдер, не стремящийся приобрести высокий социальный статус или добиться материальных благ, однако его жизненная стратегия представлена как положительная и вызывающая симпатию. На основе проведенного во второй главе анализа делаются выводы о специфике авторской концепции бытия, воплощенной в произведениях Мартинека, Пекарковой и Тршешняка. Отмечается, что ее основу составляет некатегоричный, идеологически неангажированный, толерантный взгляд на мир, а наивысшей ценностью является отдельный человек в многообразии его индивидуальных проявлений в широком поле личных свобод.

В третьей главе диссертации **«Особенности повествовательной структуры произведений Л. Мартинека, И. Пекарковой, В. Тршешняка»** рассматривается субъектная структура текстов трех писателей, анализируются отношения героя и повествователя, что дает ключ к более глубокому пониманию концепированного автора, то есть того «послания», которое несут в себе произведения этих авторов. Отличительной чертой творчества прозаиков «молодого» поколения становится усиление индивидуального начала, обусловившего выбор этими писателями особого типа повествования с ограничением возможностей повествователя и проникновением в текст субъективной позиции героя. Именно эта художественная особенность обусловила необходимость обращения к такому аспекту анализа повествования, который позволяет выявить и разграничить сферы их компетенции в тексте.

В разделе **3.1.** уточняется понимание терминов «повествователь», «объект и субъект сознания в повествовательном тексте», «точка зрения», анализируются и в целом принимаются соответствующие концепции Б. Успенского и Б. Кормана.

При проведении анализа в данной главе мы исходим из того, что в любом литературном произведении (и в отдельных его фрагментах) в принципе возможно определение позиции (как пространственно-временной, так и нравственно-философской), с которой изображаются события и предметы, высказываются умозаключения и т.п. Чаще всего данная позиция закреплена за повествователем, именно он располагается в определенной точке пространства, с которой наблюдает за происходящим. Повествователь существует и в определенных временных координатах (процесс рассказывания в той или иной степени отдален во времени от описываемых событий). Наконец, именно повествователь прямо или косвенно оценивает изображаемое; он является первичным носителем речи в произведении и может обладать собственными языковыми характеристиками (т.е. его речь может не быть стилистически нейтральной и заметно отличаться от речи отдельных персонажей).

Однако в текст, формально принадлежащий повествователю, может проникать сознание персонажа (нередко нескольких персонажей), корректирующее «точку зрения» повествователя как в пространственном, временном так и в оценочном планах. В подобном случае отсчет времени в тексте и координаты положения в пространстве оказываются «привязанными» к этому субъекту сознания, что влечет за собой ограничение угла зрения его физическими возможностями и делает невозможным как проникновение во внутренний мир других людей, так и, в частности, предвосхищение событий в повествовании.

Подобная «привязка» заметна, например, в следующих фрагментах: «Встречный поезд метро был полон футбольных болельщиков. Они махали цветными флагами, гудели в дудки и кричали. Несмотря на то, что кричали они синхронно, понять их было невозможно»¹⁴. (В приведенном фрагменте герой Мартинека находится в вагоне метро, из которого он может видеть другой поезд; его положение ограничивает слуховые возможности). «Она накрыла меня белым покрывалом тем же движением, каким вчера набросила черную накидку на клетку с птицей. “Я бы стеснялась”, – сказала она тогда. А сейчас утром – ничего».¹⁵ (Несмотря на то, что повествование ведется в прошедшем времени, хронология задана моментом действия).

¹⁴ Martínek L. Linka č.2. – Praha, 1992. – S. 20.

¹⁵ Třešňák V. U jídla se nemluví. – Praha, 1996. – S. 369.

Персонаж может стать также воспринимающей и оценивающей субстанцией, а его субъективность окрасить изображение в определенные тона. Выявление таких случаев требует обращения к широкому контексту – например, для понимания, что в следующем отрывке оценка описываемого принадлежит герою: «Город был опасно маленьким. Лишь с большим трудом Лтд удалось заблудиться в его улочках, разбитых по четкому плану. Названия улиц и других ориентиров быстро заняли свои извечные места. Он постоянно наталкивался на одни и те же виды»¹⁶. Анализ фрагмента показывает, что место, где находится герой, не представляет объективной опасности, но ему, любящему раствориться в окружении, стать незаметным наблюдателем жизни, не подходит однообразие и линейность, поскольку они угрожают скукой.

Кроме того, в речь повествователя может непосредственно проникнуть голос персонажа: «Po nezdařeném pokusu naložit pasažéra (kterého jí jeden žlutý hulvat vyfoukl, a jak se jí vesral před čumákem do jejího pruhu, ještě si u toho, hajzl, zatroubil!) se rozhodla to pro dnešek vzdát»¹⁷. Отмеченные нами курсивом экспрессивно окрашенные выражения принадлежат лексикону главной героини-таксистки и отчетливо выделяются на фоне нейтральной речи повествователя. Анализ подобных случаев «вмешательства» героя в повествовательный текст и стал основной задачей данной главы диссертационного исследования.

Во **втором разделе** третьей главы исследуется *формально-субъектная* организация произведений Мартинека, Пекарковой и Тршешняка, определяется формальный «носитель» речи и сознания, а также степень его персонификации или, напротив, «растворенности» в тексте. В **разделах 3.3–3.7.** подробно анализируется *содержательно-субъектная* организация тех же текстов, последовательно выявляется основной «носитель» «точки зрения» (пространственной, временной, оценочной и фразеологической) в наиболее значимых для раскрытия авторской концепции эпизодах.

Разнообразие возможных носителей собственной «точки зрения» в текстах авторов «молодого» поколения отсутствует, помимо повествователя подобным носителем может стать только центральный (главный) герой, вокруг которого (и ради

¹⁶ Martínek L. *Sine loco. sine anno.* – Praha, 1998. – S. 54.

¹⁷ «После неудачной попытки посадить пассажира (которого спер у нее один желтый хам, влезший перед самым носом в ее ряд, и при этом еще, скотина, просигналивший!) она решила на сегодня это бросить». (Pekárková I. *Dej mi ty prachy.* – Praha, 1996. – S. 35).

которого) строится художественный мир. Повествователь тесно связан с героем в пространстве и времени, ограничен в возможностях перемещения в этих плоскостях. О том, что «точка зрения» в тех или иных случаях принадлежит не повествователю, а герою, позволяют судить выделенные нами разнообразные художественные приемы, важнейшими из которых являются:

- ограничение угла зрения и определенная очередность описываемых объектов, соответствующие месту нахождения, действиям, движению взгляда героя, а не повествователя (примечательно, что во всех анализируемых произведениях отсутствует описание внешности главных героев); слова-маркеры «здесь / там», «далеко / близко», «слева / справа» и т. п., подтверждения возможности-невозможности что-либо видеть и слышать, указывающие на то, что наблюдение за изображаемым ведется с позиции центрального персонажа.

- изменение грамматических форм прошедшего времени на настоящее – т.е., время, в котором разворачиваются описываемые события; определение точки отсчета временных координат (при помощи конкретных указателей: «вчера», «давно», «скоро», «завтра», «сейчас», «тогда» и т. п.), соответствующей времени, в котором находится и действует герой.

Романная действительность произведений Мартинека, Пекарковой и Тршешняка не предстает перед читателем нейтральной уже потому, что сообщение о ней заведомо не может являться полным: ограничение «всеприсутствия» повествователя (тесно связанного с героем) влечет за собой и ограничение его «всезнания».

Субъективность главных героев каждой из книг трех писателей проникает в текст и еще более явно: именно их оценочная позиция определяет ракурс и особенности изображения, что показывает исследование соответствующего плана проявления «точки зрения».

С привлечением большого количества примеров из анализируемых произведений Мартинека, Пекарковой и Тршешняка нами были рассмотрены ситуации с наличием формальных признаков, могущих с большой степенью вероятности свидетельствовать о том, что оценивающей и воспринимающей мир инстанцией является именно герой; выделены слова, обозначающие состояние (эмоциональное, ментальное и др.) или восприятие при безличном употреблении («ошибаться было

приятно», «было сложно понять», «чувствовалось приближение...»); предикаты со значением сходства и подобия, слова с оценочным значением. В сферу анализа были включены и вводные слова со значением уверенности / неуверенности («безусловно», «возможно» и др.).

Показателен, например, следующий фрагмент: «Вид пражских пешеходов не переставал поражать Виктора ощущением потерянности. <...> Они не жили в своем собственном городе, а лишь в спешке проходили по нему. *Возможно*, поэтому они так не любили его покидать. Их нежелание перемен, *очевидно*, не было вызвано их привязанностью, а *скорее*, следствием скрытых страхов»¹⁸. Суждение о пражанах вводится как принадлежащее Виктору (главному герою), поэтому есть основания утверждать, что и последующая характеристика также принадлежит сознанию героя, что подчеркивают выделенные нами курсивом выражения.

Особое внимание в диссертации уделено таким фрагментам текстов, где смена носителя «точки зрения» происходит неявно и ее можно обнаружить, лишь соотнеся те или иные выраженные в тексте оценки и суждения с системой ценностей, психологическим портретом конкретного персонажа. Примером этого могут служить многочисленные описания знакомых героя романа Мартинека «Между полуднем и полночью», которых он встречает во время долгого плавания из Африки на север Европы. В каждом преобладают те сведения об их характере, которые важны для него как для моряка: их надежность в плавании, уравновешенность, контактность. В человеческом плане ему симпатичны любознательные, увлеченные своим делом и молодые душой люди, упоминание об этих качествах (или их отсутствии) в том или ином виде непременно появляется в подобных фрагментах текста.

В произведениях каждого из писателей преобладает собственный оригинальный набор признаков, свидетельствующих о том, что в текст проникает сознание главного героя. Отличительной чертой стиля Тршешняка становятся различного рода сравнительные конструкции, порожденные фантазией героя, но не вводимые в текст как его мысли или речь. Данные конструкции не только ярче высвечивают те явления, которые в определенный момент интересуют героя, но и косвенно свидетельствуют о его отношении к ним, несут в себе информацию о существенных свойствах личности и мировоззрения персонажа.

¹⁸ Martínek L. *Opilost z hloubky*. – Praha, 2000. – S. 142.

У Мартинека и Пекарковой оценочная позиция героев не заявляется прямо, но ощущается во всем объеме текста. О смене носителя «точки зрения» сигнализируют чаще всего конкретные эпитеты и специфический отбор и подача фактов. Описания всего, что окружает главных героев, проникнуты их эмоциями и характеризуют в первую очередь их самих, а не воссоздают объективную картину реальности. Такими являются, например, описания Нью-Йорка и впечатлений от прогулок по его улицам в романе «Отдай мне бабки» Пекарковой.

Анализ случаев проявления оценочной «точки зрения» повествователя, а также фрагментов, контекст которых не позволяет однозначно судить о том, что носителем оценочной «точки зрения» является герой, позволяет сделать вывод о том, что позиция повествователя в большинстве случаев нейтральна: его оценочные суждения не противоречат (или совпадают) с оценкой героя, информированность не превышает познаний персонажа, впечатления не расходятся с интерпретаций последним описываемых явлений и событий, не противоречат склонностям и особенностям характера героя. Можно сказать, что повествователь солидаризируется с центральным персонажем и нередко передает ему право создания и осмысления художественной реальности в каждой из книг.

В отличие от перечисленных планов (пространственного, временного, оценочного) рассмотрения «точек зрения», во фразеологическом плане основная роль принадлежит повествователю, остающемуся основным носителем речи в произведениях Мартинека, Пекарковой и Тршешняка. Как показал анализ, проведенный в **разделе 3.7.**, непосредственно в повествовательный текст может проникать голос главных героев и других персонажей, однако, это не становится закономерностью. Подобная ситуация позволяет сохранить видимость объективности повествования и компенсировать преобладание оценочной «точки зрения» главных героев, сделать ее скрытой, ненарочитой.

Завершает третью главу обобщение наблюдений над субъектной структурой текстов трех писателей. Нами выделяются следующие ее особенности:

- ограничение функций повествователя как носителя сознания в тексте;
- усиление роли героя, сознание которого активно проникает в текст;
- отсутствие идейной многополюсности: корректировки поступков, поведения, суждений ощущений героя, сюжетных перипетий и т.д. какой-либо информацией

(оценкой) доступной лишь повествователю и меняющей как образ центрального персонажа, так и смысл произведения.

Подобная специфика повествовательной структуры текстов, «подстроенная» под определенного персонажа, полностью соответствует авторской концепции бытия. Главный герой является не только ее отражением, но ее носителем, реализатором, а потому ненужным становится активное вмешательство повествователя в текст и явное проявление его субъективности. Смысл каждого из текстов рождается не из столкновения различных идейных позиций, а именно из их совпадения, а основной задачей произведений прозаиков «молодого» поколения – не создание широкой объективной картины эпохи, а детальное отображение частного и заведомо одностороннего взгляда на нее.

На основании сопоставления повествовательной структуры текстов и выявленных особенностей авторского сознания нами был сделан вывод о том, что в произведениях Мартинека, Тршешняка и Пекарковой наиболее близким к авторскому сознанием оказывается не повествователь, а герой. Сближение концепции автора с концепцией героя, а видения мира повествователя с видением центрального персонажа позволяет, на наш взгляд, говорить о частичном нарушении в произведениях трех писателей традиционной иерархической структуры, в которой высшим, стоящим над текстом (и таким образом неявно управляющим им) сознанием является концепированный автор, а подчиненный ему повествователь (основной субъект сознания в тексте) управляет героем (объектом сознания).

Принимая во внимание сильную автобиографическую составляющую произведений Мартинека, Пекарковой и Тршешняка, мы также считаем возможным утверждать, что в их творчестве концепированный автор, насколько это возможно, сближается с автором реальным, а личный поколенческий опыт данных прозаиков в сильной степени обуславливает как писательскую концепцию мира и человека, так и ту художественную форму, в которую она облекается. Основанная на гуманистических принципах, питающаяся не в последнюю очередь бунтарскими импульсами ниспровержения непререкаемых авторитетов и непреложных истин, на наш взгляд, предельно лаконично она может быть выражена известными словами античного философа Протагора: «человек – мера всех вещей».

В **заключении** еще раз прослеживается логика исследования, обобщаются сделанные на каждом из его этапов выводы, суммируются рассмотренные признаки проявления авторского начала и особенности повествовательной структуры текста произведений Тршешняка, Мартинека и Пекарковой, доказывающие наличие общих черт и сходных явлений в их мировоззрении и поэтике.

Главный вывод диссертационного исследования формулируется следующим образом: если творчество прозаиков «старшего» поколения второй «волны» чешской эмиграции (М. Кундеры, Й. Шкворецкого. П. Когоута, А. Люстига, Я. Бенеша, Я. Вейводы, Л. Мониковой и других) было в первую очередь связано с устойчивой духовной традицией чешского зарубежья предыдущих веков (несущей в себе патриотический пафос и ощущение собственной духовной миссии, направленной на сохранение национального культурного достояния, достоверного знания об истории и традициях своего народа), то представители «молодого» поколения (Л. Мартинек, И. Пекаркова, В. Тршешняк) трансформируют данную традицию в духе потребностей времени (конца XX – начала XXI столетий). Проблематика их творчества становится более универсальной, обращенной к актуальным проблемам существования человека в глобализированном мире, повествование пронизано индивидуализмом, характерным для современной эпохи.

Избранный аспект исследования (анализ категорий автор / повествователь / герой с использованием системно-субъектного метода) позволил показать оригинальность художественной манеры прозаиков «молодого» поколения и добиться адекватной интерпретации более или менее общей философской концепции, воплощенной в их творчестве.

На основе проведенного исследования мы считаем возможным утверждать, что на протяжении двух-трех последних десятилетий базовые традиции и сущностные характеристики чешской эмигрантской прозы претерпевают хорошо заметную и достаточно серьезную эволюцию. Главным ее содержанием становится изменение трактовки личности эмигранта (в том числе писателя-эмигранта) и его жизненного предназначения (а тем самым и смысла его творчества) в современном мире.

Проведенный в диссертации анализ, на наш взгляд, подтверждает настоятельную необходимость рассмотрения истории чешской литературной эмиграции как единого процесса, продолжающегося и в настоящее время – а периода 1980–1990-х годов как

ее важнейшего и неотъемлемого этапа, на котором закладываются новейшие тенденции ее развития, наиболее отчетливо проявляющиеся в творчестве «молодых» авторов, начавших свою творческую деятельность именно в эти годы.

В завершении работы подчеркивается актуальность дальнейших исследований проблематики и поэтики чешской литературы, создаваемой авторами, живущими за пределами своей страны, а также особенностей ее функционирования в современном европейском литературном контексте.

В **приложении** приводятся дополнительные материалы исследования (в основном примеры из произведений Мартинека, Пекарковой и Тршешняка, подтверждающие результаты анализа содержательно-субъектной структуры их произведений).

Основные положения диссертации отражены в публикациях:

1. Боярская А.А. Концепция личности в прозе чешской эмиграции рубежа тысячелетий (Л. Мартинек, И. Пекаркова) // Классические и неклассические модели мира в отечественной и зарубежной литературах: материалы Международной научной конференции, г. Волгоград, 12–15 апреля 2006 г. / Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) РАН, ВолГУ. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. – С. 694–699.

2. Боярская А.А. Специфика повествовательной перспективы в чешской эмигрантской прозе 1990–2000-х годов // Материалы XIV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2007. – С. 175–178.

3. Боярская А.А. Образ россиян в прозе чешских писателей-эмигрантов 1970–2000-х годов // Традиционная и современная Россия глазами славянских народов: Материалы международного семинара (г. Пермь, 25-27 октября, Перм. гос. ун-т.). – Пермь, 2007. – Вып. 1. – С. 62–69.

4. Боярская А.А. Специфика соотношения реальный – абстрактный автор в чешской эмигрантской прозе 1980–2000-х годов // Автор как проблема теоретической и исторической поэтики: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы. – Гродно: ГрГУ. – Ч. 1–2008. – С. 329–335.

5. Боярская А.А. Человек и история в прозе молодого поколения чешских писателей эмигрантов (1980–2000-е гг.) // Славянские языки и культуры в современном мире: Международный научный симпозиум (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филолог. ф-т, 24-26 марта 2009 г.): труды и материалы. – М.: МАКС Пресс, 2009. – С. 378.

6. Боярская А.А. Современная чешская эмигрантская литература (писатели «третьей» волны – Любомир Мартинек, Ива Пекаркова, Властимил Тршешняк) // Славянский вестник: Вып. 3 / Под ред. В.П. Гудкова и А.Г. Машковой. – М.: МАКС Пресс, 2009. – С. 196–209.

7. Боярская А.А. Чешская эмигрантская проза 1980–2000-х годов: субъектная организация текста // Вестник ЧелГУ. Филология. Искусствоведение. – 2009. – Вып. 31. – № 13. – С. 30–34.

8. Boyarskaya A. W miejsce wygnańca – obywatel świata. Nowe otwarcie czeskiej prozy emigracyjnej // Texty drugie / Instytut Badań literackich PAN. – Warszawa: Wydawnictwo IBL PAN, 2009. – Nr 6. – S.191–198.